

ПОВЕСТЬ О МЕРДЕКЕ

К'ТУТ ТАНТРИ

няйте ее жизнь и, если понадобится, пожертвуйте ради нее своей собственной жизнью...»

И вот перед нами книга К'тут Тантри «Восстание в раю». Мы увидели ее у Поля Робсона, когда он недавно гостил в Советском Союзе. И ему, и его жене, известной общественной деятельнице Эсланде Робсон, книга очень понравилась. И они, подобно президенту Сукарно, исключительно тепло отзывались о ее авторе. В письме, которое мы не так давно получили от них, говорится:

«Прочитав эту чудесную удивительно яркую, документальную приключенческую повесть, мы считаем, что она имеет важное значение как в познавательном, так и в воспитательном отношении. Мы узнали из нее нечто такое, что помогло нам лучше понять и оценить те большие и малые события, которыми отмечена великая историческая борьба индонезийского народа за независимость. Мы рекомендуем ее всем, кто любит захватывающую приключенческую литературу и кому доставляет удовольствие чтение книг, содержащих важные исторические и географические сведения, связанные с текущими событиями в нашем столь стремительно движущемся мире, событиями, которые сулят человечеству более счастливую жизнь».

И действительно, «Восстание в раю» нельзя читать без волнения. Написанная в увлекательной форме приключенческой повести, книга в то же время отличается строгой документальной достоверностью. Автору удалось воссоздать яркую, запоминающуюся картину героической борьбы индонезийцев с многочисленными врагами их прекрасной родины, картинку, полную глубокого драматизма.

С гневом и возмущением пишет автор о злодеяниях голланд-

ских колонизаторов, японских и английских оккупантов — о тех, кто во имя своих грабительских устремлений беспощадно растаптывал национальное достоинство индонезийцев, глумился над их древней культурой и заливал кровью многих тысяч ни в чем не повинных людей благодатную, «райскую землю» Индонезии.

Зато с какой трогательной любовью говорит автор о простых людях этой страны, об их беззаветной преданности революции, об их беспримерной отваге. Художница по профессии, К'тут Тантри с восторгом описывает неповторимую красоту индонезийской природы, но еще большее восхищение вызывает у нее благородная душа смелого, тридцатилетнего и талантливого индонезийского народа. Читая повесть, убеждаешься: такой народ не устрашить, такой народ не поставить на колени!

И сама К'тут совершила немало героических подвигов, находясь в годы голландского владычества и японской оккупации в партизанском подполье Индонезии. Сражаясь за свободу своей второй родины, она не раз подвергалась смертельной опасности и стойко переносила издевательства и изверские пытки в тюрьмах голландских и японских захватчиков.

К'тут Тантри всей душой ненавидит колониализм и с сердечной теплотой относится к людям, которые проявляют бесстрашие и несгибаемое мужество в великой битве за мир, за свободу всех пораженных народов.

Такова и сама К'тут Тантри, с гордостью носящая это индонезийское имя, данное ей на острове Бали. «Повесть о Мердеке», которую мы предлагаем вниманию читателей, — несколько глав из ее книги «Восстание в раю».

Л. Морошкина, Б. Эпельфельд

«Восстание в раю» — так называется книга К'тут Тантри — женщины, связавшей свою судьбу с судьбой свободолюбивого индонезийского народа в самые трудные для него годы борьбы за независимость.

Кто же такая К'тут Тантри, автор этой книги, клеймющей колониализм? Шотландка по происхождению, она долгие годы прожила в Индонезии и нашла там свою вторую родину, стала пламенным ее патриотом.

Обращаясь с речью к гражданам молодой республики, поднявшейся на священную борьбу с черными силами интервентов и колониализма, президент Сукарно сказал о ней:

«...Она делает все, что только в ее силах, чтобы помочь нам в нашей борьбе за независимость... Я хочу, чтобы каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок внимательно посмотрели на К'тут Тантри и запомнили ее лицо. Я хочу, чтобы никто из нашего народа не причинил ей вреда. Вы должны взять ее под свою надежную защиту... Помните, что «судара» означает «сестра»... Я уверяю в ваши заботливые руки судьбу судары К'тут Тантри. Охра-

ОПЕРАЦИЯ «КРАСНЫЙ КРЕСТ»

НЕ довелось прочитать много американских, голландских, английских и других книг об индонезийской революции, но — странное дело — ни в одной из них я и строчки не нашла о безжалостной бомбардировке Сурабаи.

Вскоре после того, как в этом городе был убит британский бригадный командир Маллаби, англичане предъявили республиканским властям ультиматум. Британское командование предложило индонезийской администрации, армейским офицерам и служащим радиостанции в Сурабае принести в назначенное время все имеющееся у них оружие в условленное место. «После этого, — указывалось в ультиматуме, — капитулянтам надлежит поднять руки и сдаться в плен представителю английских войск. Если же это требование не будет выполнено, Сурабая на закате следующего дня подвергнется самой жестокой бомбардировке».

Ультиматум звучал слишком по-детски, чтобы индонезийцы могли принять его всерьез. Они отнеслись к этому как к своего рода чудовищной шутке. В самом деле, зачем англичанам атаковать открытый город, не имеющий военных объектов, город без бомбоубежищ, окруженный мирными нищими кампонгами?

Меня это потрясло. В тот же день я передала по радио² следующее обращение к британскому командованию:

«Индонезийцы никогда не примут ваших условий, если вы даже сравниваете с землей Сурабаю и уничтожите всех ее жителей. Своим ультиматумом вы нанесли оскорбление не только индонезийскому правительству, но и всему народу Индонезии. Если вы осуществите свою угрозу, то впишете еще одну черную страницу в историю Англии».

Англичане игнорировали радиопередачу, а индонезийцы — ультиматум. В результате британская авиация три дня и три ночи непрерывно бомбила Сурабаю. Тысячи людей стали жертвами этих разбойничьих налетов. На залитых кровью улицах валялись трупы женщин и детей. Кампонги полыхали в огне пожаров, и охваченные паникой крестьяне пытались спастись от гнавшейся за ними по пятам смерти на рисовых полях. Но защитники республики в Сурабае не сдавались.

Нас осталось трое на радиостанции, когда поблизости начали рваться бомбы. Осколком был смертельно ранен один из радистов. И мы, двое оставшихся в живых, находились на волоске от смерти. Дом содрогался от разрывов. Только моя собака Брани, как ни в чем не бывало, сидела под столом и спокойно грызла кость...

На третьи сутки городская больница была переполнена жертвами варварской бомбардировки. Сотни изувеченных людей, лишившихся крова, лежали прямо на тротуарах. Некому было им помочь — не хватало врачей и сестер милосердия. Сознывая свое бессилие в городе среди окружавших меня ужасов и страданий, я решила поехать в кампонги. Я думала, что, возможно, там мне удастся хоть чем-нибудь помочь несчастным людям, которые были так добры ко мне.

¹ Кампонг — индонезийская деревня, живущая родовой общиной.

² К'тут Тантри принимала деятельное участие в партизанской борьбе индонезийцев. По заданию республиканского правительства она также вела радиопередачи на английском языке.

Никогда, никогда не забуду я того, что пришлось тогда увидеть в кампонгах...

Особенно запомнился мне один старик. Он сидел у своей хижинки, устремив взгляд в пространство.

— Что случилось с тобой, отец? — спросила я.

Старик молча посмотрел на меня невидящими глазами и повел в хижину. Там на земляном полу лежали трупы подростка и двух юношей. У каждого на рукаве была красно-белая повязка³.

— Это мои сыновья, — с дрожью в голосе, но с нескрываемой гордостью сказал старик. — Они отдали свою жизнь за Мердеку⁴.

То были трое из многих сотен людей, погибших во время бомбардировки Сурабаи.

Вернувшись на радиостанцию, я застала там доктора С. — партизанского врача, спасшего мне когда-то жизнь. Он только что приехал из Маланга.

— Вы должны немедленно покинуть Сурабаю, — сказал он. — Принято решение перевести радиостанцию в деревню Бангхил, за шестьдесят миль отсюда. Сегодня же ночью вы отправитесь туда с военной охраной. Пока что в Бангхиле не так опасно.

Я сказала, что не хочу уезжать из Сурабаи.

— Мне наплевать на все опасности. Мне стыдно за своих соотечественников, причинивших столько страданий индонезийскому народу.

— Не принимайте все так близко к сердцу, сударя К'тут, — старался успокоить меня врач. — Не все англичане плохие. Есть много людей и в других странах, которые испытывают то же самое, что и вы. Мы получаем письма солидарности со всех концов земли. И — как ни жестоко это звучит — но бесчеловечная бомбардировка Сурабаи в конечном счете может пойти на пользу Индонезии. Ведь до сих пор на эту часть света и на наши страдания обращали мало внимания. А теперь к Индонезии прикованы взоры всего человечества.

Получив разрешение провести в Сурабае еще один день, я тотчас же отправилась в город, чтобы просить консулов, атташе и других иностранных дипломатов выразить свое мнение по поводу чудовищных мер, принятых британским командованием против Сурабаи, и поставить о них в известность свои правительства. Датский, швейцарский, советский и шведский консулы согласились выполнить мою просьбу. И в тот же вечер мы организовали специальную радиопередачу, которая вызвала множество горячих откликов. О нашей передаче проинформировали своих радиослушателей другие станции. Многие газеты посвятили ей передовые статьи.

Бомбардировка Сурабаи действительно стала поворотным пунктом в индонезийской революции. Она сыграла решающую роль и в моей жизни. Именно в те дни я надела на рукав красно-белую повязку со словами «Мердека атай мати!» — «Свобода или смерть!» — и больше не расставалась с ней. Я сказала себе тогда, что буду бороться гордо, бесстрашно, не думая о своей собственной жизни, что до конца останусь с индонезийцами.

На другой день я выехала из Сурабаи. Сидя в джипе под охраной трех солдат революционной армии, я думала о том, что скоро опять зазвучит в эфире голос борющейся Индонезии и нашу передачу на английском языке снова услышат тысячи людей. Это, в сущности, была радиостанция партизан. Республиканские радиостанции находились в Джокьякарте, куда после вторжения англичан в Ба-

³ Цвета государственного флага Республики Индонезии.

⁴ Мердека (индонезийск.) — свобода.

тавию⁵ переехали члены революционного правительства во главе с доктором Сукарно. Еще несколько партизанских передатчиков были разбросаны в горах Восточной Явы.

Каждый вечер, закончив работу, мы слушали голландские передачи из Джакарты и Бандунга, а также передачи неофициальных радиостанций, отличавшиеся особенной разнузданностью и лживостью.

Однажды ночью, к моему удивлению и удивлению моих друзей, по радио передали объявление, в котором было обещано 50 тысяч гульденов тому индонезийцу, который доставит в голландскую военную комендатуру Сурабаи К'тут Тантри. Обычно мы не реагировали на такого рода выпады врага. Но на сей раз было решено послать в эфир ответ. И поручили это сделать мне.

— Вам, конечно, известно, — сказала я в микрофон, — что голландский гульден ничего не стоит сейчас в Индонезии. У нас своя валюта. Но если голландские власти готовы пожертвовать полмиллиона рупий на борьбу индонезийцев за Мердеку, я сама отправлюсь в комендатуру и отдам себя в ваши руки...

Все радиостанции на Яве приняли эту передачу, и люди немало посмеялись над неуклюжим маневром голландцев. Больше колонизаторы не решались передавать подобные объявления...

Мы напряженно работали, скучать было некогда. В один из таких горячих дней к нашему дому подкатил джип, из которого вышли трое молодых людей с красно-белыми нарукавными повязками.

— Нас послал за вами Бунг Томо, — сказали они мне. — Нам приказано отвезти вас в Маланг.

Зная, что меня откомандировали сюда временно, я не стала интересоваться подробностями. Быстро собрала свои вещи и через несколько минут уже сидела в быстро мчавшемся джипе. Когда мы проехали несколько миль, машина вдруг свернула в сторону.

— Мы едем не по той дороге... Куда вы меня везете? — спросила я.

Один из молодых людей — видимо, старший в группе, — спокойно взглянув на меня, сказал:

— Считайте, что вас похитили. Мы едем в горы.

После небольшой паузы он пояснил, что у них в отряде, которым командует индонезийский майор, установлен радиопередатчик.

— Беда в том, — добавил он, — что у нас некому вести передачи на английском языке.

Все трое уверяли меня, что они тоже сражаются за Мердеку и что мне нечего их бояться.

— Бунг Томо, видно, считает, что вы должны работать только на его радиостанциях, — заметил другой боец. — Но теперь наступил наш черед. Вы прославились на этом поприще. Все жители Явы с большим интересом слушают ваши выступления...

Я уже слышала о каком-то майоре, который обосновался со своим небольшим отрядом в горах. О нем шла плохая молва. Рассказывали, будто он и его сообщники похожи на разбойников в своей черной одежде. Впрочем, если судить даже по этим слухам, никто не мог бы обвинить майора в отсутствии преданности Мердеке, но, будучи якобы фанатичным и опасным человеком, он нередко совершал беззакония. Люди, знавшие его, утверждали, что пойманных шпионов он приказывал расстреливать на месте, не давая им вымолвить ни единого слова в свою защиту. Даже партизаны этого отряда побаивались майора.

Такие слухи шли об этом загадочном офицере...

Но когда меня привели к нему, он показался мне намного приветливее, чем о нем говорили. Извинившись передо мной за то, что меня доставили к нему столь необычным образом, он сказал, что у него в горах я буду в большей безопасности, чем в деревне Бангхил.

— В конце концов дело не в том, откуда вы будете вести передачи, — пожал он плечами. — Ведь все индонезийские радиостанции служат одному общему делу.

При подобных обстоятельствах мне не следовало высказывать возмущение или недовольство. Я была глубоко уверена: как только мои друзья услышат в Бангхиле знакомый голос, прорвавшийся к ним через горы, они догадаются, что со мной произошло, и постараются прийти мне на выручку...

Между тем молодые бойцы, похитившие меня, веселились, как дети. Они радовались, что сыграли такую штуку с Бунгом Томо.

Эти люди, засевшие в горах, жили наподобие сподвижников Робина Гуда. Они нападали на богатых купцов и все, что забирали у них — деньги и продовольствие, — раздавали бойцам отряда и жителям окрестных деревень.

Прошла неделя, а может, и больше с тех пор, как я так неожиданно очутилась в горах. И все эти дни я не переставала думать о своих друзьях. Придут ли они ко мне на помощь? Узнал ли о моем похищении доктор С.? Мне не терпелось скорее вырваться отсюда. Однажды ночью я вышла побродить по горной дороге возле лагеря. Вдруг от темневших у обочины кустов отделились две тени.

— Не бойтесь, судара К'тут, — услышала я тихий голос. — Мы ваши друзья из Бангхила.

Из-за туч выглянула луна, и в ее серебристом свете я увидела двух знакомых парней.

— Наш грузовик спрятан у дороги, — шепотом сказали они. — Бегите за нами. Когда в лагере хватятся вас, машина будет уже далеко.

Мы бросились к грузовику, и через несколько минут лагерь остался позади.

На другой день я уже снова вела радиопередачу из Бангхила, а мои спасители то и дело развлекали своих товарищей рассказом о том, как им удалось похитить меня под самым носом у моих похитителей.

Через несколько дней после моего возвращения в Бангхил над деревней начали кружить голландские самолеты-разведчики. Очевидно, им было поручено обнаружить нашу радиостанцию. Нам приказали без промедления эвакуироваться. Глубокой ночью мы погрузили на машину все оборудование и продовольствие и под покровом темноты двинулись в указанном нам направлении. Уже занимался рассвет, когда показалось небольшое горное селение. Здесь начинался крутой подъем. Тяжелый грузовик не мог пройти по узкой каменистой тропе, пришлось пересечь на лошадях. На новом месте нас радушно встретили бойцы партизанского отряда. Отдохнув с дороги, мы принялись монтировать радиостанцию. Нетрудно представить себе наше огорчение, когда обнаружилось, что во время трудного и долгого перехода вышла из строя одна из самых важных деталей передатчика. Без нее голос Мердеки не мог быть услышан народом.

Достать запасные части было в то время невозможно. Озабоченные, сидели мы у весело потрескивавшего костра, не зная, что предпринять. Мы понимали, что посылать за деталями в ближайший город — Маланг — бесполезно: радиостанция в Маланге сама недавно оказалась в таком же безвыходном положении.

⁵ Батавия — старое название Джакарты.

— Жаль, что нельзя съездить в Сурабаю, — сказал один из молодых радистов. — Помните, мы спрятали в подвале нежилого дома много всякого радиооборудования? Там наверняка есть то, что нам нужно.

Но о поездке в Сурабаю нечего было и думать: теперь британские войска уже полностью контролировали и бдительно охраняли все дороги, ведущие в город. Каждый индонезиец, въезжавший в Сурабаю или выезжавший из нее, подвергался тщательному обыску на контрольно-пропускных пунктах. А радиооборудование было слишком громоздким и тяжелым грузом — вряд ли нам удалось бы тайно провезти его.

Утром прибыл посыльный из Бангхила. Он привез дурную весть: вражеская бомба попала в дом, где размещалась наша радиостанция. Нам повезло — мы вовремя вывезли ее оттуда. Одно только беспокоило нас: не пострадали ли от бомбежки жители деревни?

Мы заканчивали завтрак, сидя на циновках, когда к нам пришел командир партизанского отряда, при котором мы состояли. Обращаясь ко мне, он спокойным голосом сказал:

— Судара К'тут, пока вы отдыхали, мы набросали план действий, который условно назвали операция «Красный крест». Точнее сказать, мы придумали, как пробраться в Сурабаю и вывезти оттуда радиооборудование.

— Я не сомневалась, что вы что-нибудь придумаете. Но как вам это удастся сделать? — спросила я.

Он посвятил меня в подробности предстоящей операции. От его слов у меня замирало сердце. Я не раз принимала участие в различных операциях, но о таком фантастическом плане мне и слышать никогда не приходилось. Я смотрела на командира с изумлением и восхищением.

План операции «Красный крест» заключался в следующем.

Белое платье и нарукавная повязка с эмблемой международного Красного Креста должны были превратить меня в сестру милосердия, а документы и пропуск с моей фотографией — удостоверить, что я действительно являюсь медицинской сестрой Молли Мактейвиш. Осталось лишь достать в частном госпитале в Моджокерто санитарную машину. Вести ее предстояло самому командиру отряда, переодетому з шоферскую униформу. В машине должны были находиться даже партизан: «санитар» в белом халате и «тяжело больной» в марлевых повязках...

— Разумеется, военный патруль остановит нас, — сказал командир отряда. — Вот тут-то и должны будете выступить вы, мисс К'тут. Вы, белая женщина с безукоризненным английским произношением, не вызовете никаких подозрений... Санитарная карета, сестра милосердия, тяжело больной — все это даст нам возможность легко проникнуть в город. В Сурабаю мы поедем к дому, где

спрятано радиооборудование, самыми глухими улочками. Погрузкой займутся «больной» и «санитар». Затем они пешком отправятся назад в партизанский отряд через рисовые поля и горы. А мы с вами — «сестра милосердия» и «шофер» — шикарно прокатимся обратно...

Больше всего в индонезийских партизанах меня поражала их необычайная выдержка и способность продумывать любую операцию до мельчайших подробностей. Я не переставала удивляться тому, что неграмотные крестьянские парни умели так тонко разрабатывать стратегические планы и столь же искусно осуществлять их.

Выслушав план, предложенный командиром, я заметила, что на Восточной Яве в данный момент не существует организации Красного Креста и поэтому прикрываться ею опасно.

— Пусть это вас меньше всего беспокоит, — улыбнулся индонезиец. — Британские солдаты — тупой народ. Им все равно, что Красный Крест, что красный фонарь.

Каким дерзким ни казался мне этот план, я вместе с моими друзьями-партизанами с энтузиазмом принялась продумывать детали предстоящей операции. Разве я не была таким же бойцом, как и они?!

Прошло всего несколько дней, и я превратилась в сестру милосердия мисс Молли Мактейвиш. Все выглядело как нельзя более убедительно: сверкало белизной туго накрахмаленное платье и косынка с красным крестом. Документы были заверены соответствующей подписью и внушительной печатью.

Рисунок И. Блиоха

Каждый, кто бывал на Язе или Бали, знает, что индонезийцы — прирожденные актеры.

Точно в назначенное время к нам подъехала санитарная машина, за рулем которой сидел «водитель» в куртке цвета хаки и в форменной фуражке шофера международного Красного Креста. Заглянув в кузов, я ахнула: на носилках лежал забинтованный человек; на марлевых повязках проступали багровые пятна.

— Не пугайтесь, — весело сказал «больной», — это куриная кровь.

«Санитар» в тщательно отутюженном халате осклабился и хитро подмигнул мне.

Итак, мы приступили к выполнению операции «Красный крест».

Я уверена, что мои друзья волновались не меньше моего, но они не подавали виду. Весь показавшийся мне бесконечно долгим путь от лагеря до Сурабаи мы проделали в напряженном молчании. У въезда в город «шофер» включил сирену в надежде, что санитарную машину не будут останавливать и нам удастся проскочить через заставу. Но трое английских солдат с винтовками преградили нам путь. Один из них подбежал к машине и чуть не упал от удивления:

— Ну и чудеса! Белая женщина в этой проклятой дыре! Как вас зовут, мисс?

Через минуту мы уже были друзьями. Солдат сказал, что ненавидит Сурабаю и страшно скучает по Лондону. Не соглашусь ли я провести с ним свободный вечерок?..

— С удовольствием, — отвечала я. — Но сейчас я больше не могу задерживаться: у меня в машине

тяжелобольной, дорога каждая минута. Мы возедем его в госпиталь для переливания крови. У нас, в Моджокерто, нельзя этого сделать.

Солдат посмотрел на «больного».

— Бедняга! — сказал он сочувственно. — Попал же человек в беду!

— Минут через тридцать мы поедем обратно, — сказала я. — Если вы будете здесь, мы успеем еще поболтать и договориться о встрече.

Лицо солдата расплылось в улыбке.

— Клянусь, всей королевской армии не сдвинуть меня с этого места, пока вы не вернетесь, Молли.

Он помахал мне рукой, и машина въехала в город. На улицах Сурабаи не было ни души. Жители прятались в домах. Навстречу нам попадались только костлявые голодные собаки. Подняв к хмурому небу тощие морды, они протяжно выли, как бы оплакивая своих убитых хозяев.

Мы слышали о положении в Сурабае, но не ожидали увидеть совершенно вымерший город, город-призрак. Наши нервы были так напряжены, что мы не проронили ни слова, пока не приехали к месту, где хранилось наше радиооборудование. Вбежав в заброшенный дом, мы сели на пол и вдруг разразились истерическим хохотом.

Когда напряжение спало, мы принялись грузить машину. Кроме нужных нам деталей, в тайнике оказались консервы и сигареты. «Больной» освободился от повязок, «санитар» — от своего белоснежного халата, и сейчас они казались настоящими кули. Когда погрузка кончилась, мы попросились с ними, пожелали счастливого пути. А путь им предстоял нелегкий. По крайней мере два дня придется им добираться до лагеря.

Вскоре отправились в обратный путь и мы с командиром отряда.

У заставы нас ждал тот же солдат. Мы подарили ему пачку сигарет, чем привели его в восторг. Я завела с ним разговор о «доброй старой Англии». Он дал мне лондонский адрес своей матери, и мы совершенно серьезно договорились, что встретимся в следующее воскресенье в одном из сурабайских отелей. На это свидание я, конечно, не собиралась приходить, но солдату сказала:

— Если я не приду, значит, меня задержало что-то экстренное. Я постараюсь предупредить вас.

Солдат попытался заговорить с «шофером».

— Я не говорю по-английски, — коверкая слова, сказал тот.

Меня разбирал смех. Мнимый шофер, юрист по образованию, говорил по-английски куда лучше и правильнее, чем этот солдат-англичанин.

— Черт побери, вы храбрая девушка! — воскликнул мой новый знакомый, когда машина тронулась. — Живете среди этих косоглазых, да еще нянчитесь с ними, когда они болеют... Итак, до воскресенья! — прокричал он нам вдогонку.

— До воскресенья! — крикнула я в ответ.

Я почувствовала, какого напряжения мне стоила эта поездка, лишь тогда, когда мы с командиром отряда уже были вне опасности. В лагере нас ждали с нетерпением. Все от души радовались, что операция «Красный крест» увенчалась полным успехом и что сегодня же ночью индонезийцы снова услышат голос Мердеки — голос Свободы.

(Продолжение следует)

Перевели с английского

Л. МОРОШКИНА и Б. ЭПЕЛЬФЕЛЬД

Молодой тунисский поэт Омар ас-Саиди аль-Гариби родился в 1936 году. Публикуемое стихотворение — из его сборника «Аль-Куйюд» («Оковы»), выпущенного в 1956 году и посвященного борьбе народов Магриба за национальное освобождение.

ОМАР АС-САИДИ АЛЬ-ГАРИБИ

ГИМН БОРЦОВ

Гремите, громы, гнева полны!
Мы — армия рабов безмолвных —
Решили голос свой подать!
Нам жить в лагунках надоело,
Мы не хотим сидеть без дела
И слезы горькие глотать.
Долой проклятые оковы!
Нам путь указан к жизни новой.
Свободы факел мы зажгли.
Покинув дом, пошли мы в горы
И, навсегда забыв про ссоры,
В борьбе весну свою нашли!

Перевел с арабского
Эмиль Ошервич